

АРАБСКИЕ ВОЛНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: «ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ДЛЯ РОССИИ

Владимир Аватков *

Надежда Соколова **

«Арабская весна» отразила глубинные трансформационные процессы, происходящие в современной системе международных отношений. Арабские волнения демонстрируют общую тенденцию на их маргинализацию, усложнение социального аспекта в контексте глобализации, что с особой остротой проявилось в условиях мирового кризиса. Иерархия ключевых игроков глобальной арены изменяется. События на Ближнем Востоке могут явиться новым этапом внешней политики России через 20 лет после крушения Советского Союза. От того, какие шаги Россия будет предпринимать в регионе, зависит ее международный статус в будущем.

Волнения в арабских странах являются важнейшим фактором нестабильности современной системы международных отношений. Они наглядно демонстрируют минусы постбиполярной системы миропорядка: сохранение институтов периода холодной войны при параличе многих из них, несбалансированность системы глобальной безопасности, расширение и углубление новых вызовов и угроз (терроризм, этнорелигиозный экстремизм, наркотрафик, транснациональная преступность, незаконный оборот обычных вооружений, распространение ОМУ и пр.), реальное изменение баланса и иерархии стран при медленной трансформации статусов.

В то же время арабские волнения идеально встраиваются в общую тенденцию «маргинализации» международных отношений, усложнения их социального аспекта в контексте глобализации. Обозначенные тенденции с особой остротой проявились в условиях мирового кризиса, который, начавшись с финансовой сферы, в конечном итоге утратил приставку «экономический» в своем названии. В настоящее время в экс-

пертной среде появляются мнения о том, что общее состояние международной системы на современном этапе можно охарактеризовать как политико-психологический кризис [1].

В свете подобных процессов социально-демографический профиль арабского мира сделал его наиболее «сейсмоопасным» с точки зрения системных потрясений местом. Специфичное для каждой страны сочетание внутренних факторов и попыток внешних игроков корректировать и направлять спонтанные изменения в условиях общей аморфности и нестабильности системы международных отношений привело к ускорению её трансформации. Ни в одной из стран не был замешан исключительно один импульс, в каждом государстве имелось свое соотношение внешних и внутренних факторов, что лишь подчеркивало системность кризиса.

Кроме того, особую роль сыграл фактор времени — рассматривая историю стран Магриба и Магриба во второй половине XX века, можно заметить определенную периодичность в смене режимов — ориентиро-

* Аватков Владимир Алексеевич,

преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России

** Соколова Надежда Викторовна,

научный сотрудник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

ванные на Запад автократичные элиты сменяются националистами-реформаторами. Подобная смена уже происходила в 50-60х гг. в Египте, Тунисе, Ливии и ряде других стран региона.

Говорить о том, что данные явления образуют цикл или, тем более, пытаться определить его параметры, рано, т.к. период наблюдения слишком короткий, однако уже сейчас любой прогноз должен учитывать данную ретроспективу.

Среди общих факторов, в той или иной степени повлиявших на пробуждение волнений в каждой арабской стране, где они имели место, в первую очередь выделяется социально-экономический комплекс проблем. Отголоски финансового кризиса в виде агфляции болезненно отозвались на странах с высокой зависимостью от импорта продовольствия (Египет, Алжир, Тунис), одновременно обнажилось игнорирование правительством потребностей наиболее уязвимых слоев населения. Возросшая благодаря социальным медиа проницаемость информационной среды привела к тому, что очевидная на протяжении многих десятилетий коррупция превысила своего рода предел толерантности населения к действиям элит.

Любопытно, что социально-экономический узел сам по себе не смог бы стать «запалом» для длительных и масштабных волнений, выходящих далеко за пределы одной страны. С одной стороны, существует соблазн рассматривать распространение волнений через призму «эффекта домино наоборот»: освобождение от тирании и экономического гнета одной страны подает сигнал населению другой, в результате чего меняется политическая окраска всего региона. Однако его неоднородность и наличие огромного числа специфичных страновых проблем вызывает сомнения в том, чтобы одна упавшая от щелчка в виде экономического кризиса кость могла с легкостью повалить все остальные.

Кроме того, в случае с арабскими странами интрига состоит в том, что волнения вспыхивали в первую очередь там, где экономическая ситуация была относительно стабильной — тот же Египет, вопреки сложившему мнению, в последние годы устойчиво демонстрировал экономический рост как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на душу населения. Показатели же крайней бедности (число людей, живущих менее, чем на 1,25 доллара в день) в Египте были значительно ниже среднемировых, по сути,

одни из самых низких в мире [2]. Одновременно в случае с Египтом нельзя говорить об исключительно высоких показателях безработицы, которые опять же не намного превышают среднемировые 8,8 процента: в рейтинге, составленном ЦРУ, Египет, Марокко и Алжир с 9,7 - 9,9 процентами безработных следуют сразу за США [3].

Это свидетельствует о том, что причины волнений затрагивают более глубинные социальные процессы и связаны с трансформацией не столько общественных отношений, а общества как такового.

Одним из уникальных факторов нестабильности арабского мира, как и всего глобального Юга, является его демографический профиль. В ходе недавних волнений он проявил себя как один из наиболее мощных ресурсов для воздействия на характер политических процессов.

С точки зрения демографии арабские страны условно могут быть разбиты на две группы, в зависимости от того, сохраняются ли в них высокие темпы роста населения. Например, Египет сейчас проходит тот путь, который уже пройден странами Севера: постепенное сокращение темпов роста населения за счет снижения рождаемости и смертности при повышении уровня жизни. Однако это тенденция стала проявляться лишь в последнее десятилетие, в то время как в конце 80-х страна пережила пик рождаемости, что в настоящее время привело к резкому увеличению доли молодежи в возрасте до 25 лет в общей структуре населения.

Вторая, значительно более крупная, группа стран сохраняет высокие темпы рождаемости и включает в себя Саудовскую Аравию, Бахрейн, Катар, Сирию, Йемен и ряд других. Примечательно, что для обеих групп характерно падение уровня смертности. В совокупности это приводит к тому, что «демографическое лицо» региона стремительно молодеет.

Взрывное увеличение числа тех, кто ощущает себя «недополучившими», закладывает бомбу в основу любого режима. Особенно опасный характер эта тенденция приобретает тогда, когда одновременно растет «качество» поколений, т.е. повышается уровень образования. В таком случае повышается планка запросов, изменяется норма как потребительских, так и нематериальных нужд. Если следовать общеизвестной модели А.Х. Маслоу, одновременно расширяется запрос на материальное благосостояние и, что особенно важно, проступает вершина пирамиды потребностей

- самореализация. Последняя требует свободы в самом широком смысле слова и порождает политические лозунги. Молодежи зачастую больше не хочется жить так, как жили родители.

Повышение запросов стимулируется доступностью информации о том, что потенциальный круг возможностей шире, чем представлялось ранее. Проще говоря, о том, что жить можно лучше, причем наибольший психологический резонанс имеет наглядная личная информация - «эффект соседа», который демонстрирует большее благополучие. Социальные сети расширяют это понятие, показывая «соседей по планете», чей образ жизни радикально отличается в лучшую сторону. Нечто подобное наблюдалось во времена перестройки в Советском Союзе, с той разницей, что роль проводников рекламной информации о «глобальных соседях» играли не Интернет, а другие технологические средства, вроде радио.

События в арабском мире подтвердили известный тезис о том, что именно самые образованные группы населения выступают наиболее уязвимым с точки зрения внешней манипуляции звеном общества. Воздействие на его матрицу ценностей (с которым эффективно справляется культурная вестернизация) через наиболее чувствительный слой (молодые образованные люди) было описано еще в начале XX века А.Грамши, предложившим термин «молекулярная агрессия». Её результатом является утрата властью легитимности в глазах народа (потеря властью гегемонии), т.к. именно старая система ценностей легитимизировала сложившийся порядок. Современная теория международных отношений оперирует термином «мягкая сила», который включает в себя упомянутые выше инструменты, хотя и в более либеральной оболочке.

Ход волнений продемонстрировал, что элиты наиболее успешно справлялись с протестами со стороны низших слоев населения, чьи требования сводились к повышению социальных выплат и решению локальных или даже отраслевых проблем. В тех же странах, где звучали политические лозунги, элиты расплатились утратой власти за игнорирование очевидных тенденций и реактивность политики.

Еще одним влиятельным социальным фактором, проявившемся в ходе волнений, стали структурные изменения на политическом и религиозном уровнях.

В отличие от выпуклых внутренних факторов, оказавших дестабилизирующее

влияние в арабском мире, внешние, как правило, проявляют себя опосредованно, поэтому наверняка можно говорить только о мотивации заинтересованных внешних игроков.

Для России главное значение имеет их активность, нацеленная на пересмотр своей глобальной роли в сторону повышения либо снижения. Как уже было сказано выше, существовавшая в течение двух десятилетий система международных отношений отличалась размытой иерархией. В условиях слабости глобальных регулирующих механизмов проявился изначально заложенный соблазн для пересмотра как правил игры, так и статуса самих игроков.

Помимо соображений энергетической безопасности, Франция и Великобритания борются с комплексом «экономического гиганта и геополитического карлика», который давно преследует ЕС, стремясь продемонстрировать способность применить «жесткую силу» в зоне своих интересов

В политике США, наоборот, проявляется своего рода имперская усталость, которая обусловлена попыткой нынешней администрации справиться с давлением оппозиции по внутриполитическим вопросам на фоне необходимости нести «бремя лидера» со всеми вытекающими финансовыми и имиджевыми издержками. Кроме того, по мере стирания образа террористической угрозы в общественное мнение вновь начинает возвращаться изоляционизм.

В настоящее время основным вопросом мировой политики является то, каким образом события на Ближнем Востоке повлияют на всю систему международных отношений.

Последствия происходящих в регионе событий могут затронуть как ее глобальный, так и локальный уровни. Иными словами, они могут повлиять как на трансформацию всей системы международных отношений, так и лишь на некоторые ее составляющие. Не вызывает сомнений то, что волнения уже привели к расколу позиций относительно деятельности Совбеза ООН, обострению дискуссии о глобальной или региональной роли НАТО, изменению регионального соотношения сил.

Впоследствии происходящие события могут привести как к стабилизации обстановки, так и к расширению новых вызовов и угроз, поля для терроризма. В наибольшей степени это будет зависеть от изменений во внутренней политике стран региона, от развития демократического процесса

в арабских условиях, где необыкновенно важно соотношение сил исламистов и сторонников светского пути. Описанные выше тенденции иллюстрирует схема на рис.1.

Рис. 1

Логика развития событий позволяет в общих чертах наметить три возможных варианта эволюции процессов в среднесрочной перспективе. Первый, который можно обозначить как «динамика и хаос», подразумевает расширение поля восстаний как внутри, так за пределы региона, окончательную «маргинализацию» международных отношений.

На глобальном уровне будет происходить рост нестабильности, окончательное расшатывание системы МО и дискредитация глобальных институтов. На региональном - восстания будут распространяться за пределы арабо-мусульманского мира, возможно, с выходом на южный фланг постсоветского пространства. На годы затянутся гражданские войны в странах региона, причем военная и миротворческая инициатива будут полностью находиться в руках других игроков, а роль России ограничиться декларативной солидарностью.

Второй сценарий - «стагнация и заморозка» - предполагает угасание напряженности, коррекцию существующей системы МО с реформированием институтов и незначительной перестановкой в иерархии игроков. В арабском мире в таком случае произойдет стабилизация обстановки за счет ограниченной трансформации политических моделей, западное влияние будет укрепляться, а роль России сведется к традиционному экономическому партнерству со сложившимися режимами.

Полная реализация третьего, наиболее оптимистичного варианта, под условным названием «динамика и прорыв», маловеро-

ятна, однако есть шанс того, что проявятся некоторые присущие ему тенденции. На глобальном уровне произойдет кардинальное изменение системы МО, причем иерархия игроков в её рамках сложится на добровольной основе, что не будет давать поводов для ее пересмотра в обозримом будущем, управляемость процессами повысится за счет диалога цивилизаций, а конкуренция перейдет в концептуальную плоскость, причем Россия станет активно использовать свои конкурентные преимущества в этой сфере.

В арабском мире произойдет глубинная трансформация политических моделей, при этом лишь часть из них будет следовать западному шаблону, а роль России повысится за счет всестороннего проникновения в политическую, экономическую, идеологическую и информационную среду ключевых государств региона.

В краткосрочной перспективе, когда еще сложно определить черты конкретного сценария, Россия должна подчеркивать свой надконфликтный статус, декларируя отсутствие прямой заинтересованности в интересах сторон, и активизировать миротворческую роль, которая при малых затратах дает высокий прирост в позитивном восприятии имиджа. Кроме того, необходимо комплексное восприятие ситуации, отказ от «игры с нулевой суммой» и рассмотрение всех возможных вариантов коалиций по интересам. Это потребует минимизации идеологического аспекта при подборе партнеров.

Активность других игроков подводит Россию к неизбежному выводу: если она не продемонстрирует свою отчетливую вовлеченность в глобальные процессы, то это будет означать её согласие со своей нынешней ролью державы с угасающим региональным влиянием. Другой путь предполагает кардинальный пересмотр внешнеполитической практики и приведение её в соответствие с целями концепции внешней политики, где заявлено стремление стать глобальной державой.

События на Ближнем Востоке не просто лакмус происходящего в современной системе международных отношений. Они наглядно демонстрируют её структурные изменения и могут явиться новым этапом внешней политики России через 20 лет после крушения Советского Союза. Если Россия избрет характерный для нее исторически путь лидера на глобальном уровне, ей придется бороться за утверждение и повышение своего места в новых условиях, ис-

кать новую внешне- и внутривластическую идеологию, использующую конкурентные преимущества страны. Именно новая идеологическая концепция может стать сильной стороной внешней политики РФ.

Выработка такой идеологии потребует, во-первых, консенсуса элит в самой России - внешняя политика должна иметь «единый голос» и не допускать двоякого толкования. Операция союзников в Ливии еще раз продемонстрировала отсутствие единства мнений в России по данному вопросу, возродив спекуляции на тему проблемных отношений в «тандеме» президента и премьер-министра. Подобные эпизоды подрывают любые усилия по укреплению позитивного и сильного имиджа России.

Во-вторых, речь идет о выработке эффективной базовой внутривластической модели, на основе которой может быть предложен привлекательный «экспортный вариант». Проще говоря, чтобы предлагать что-либо другим, необходимо личным примером продемонстрировать выгоды от использования этого блага. Внешняя оболочка этой модели (либеральная демократия, суверенная демократия) при этом не так важна, как её оригинальность и способность гибко адаптироваться к иным культурно-цивилизационным условиям. В этом должно заключаться её конкурентное преимущество перед жестким западным вариантом, который экспортируется в неизменном виде.

России необходимо заполнить «вакуум влияния» и предложить конкурентоспособную модель, подчеркивая её уникальные черты, которых наберется немало. В частности, опыт трансформации в самой России закладывает принципиально иной формат экспорта такой модели: на равных, а не от

учителя к ученику. Некоторые особенности российской политической традиции и ментальности, например, длительная авторитарная история, периодическая ностальгия общества по «сильной руке» также могут рассматриваться как сближающие факторы.

В этом смысле России необходимо тщательно изучить западный и советский опыт проецирования моделей в регионе, чтобы выявить наиболее эффективные способы его реализации и одновременно избежать повторения чужих ошибок.

Именно в контексте эскалации региональной среды и перехода от относительной статической стабильности к динамическому противостоянию с участием внерегиональных игроков Россия может использовать снижение авторитета США, ЕС и ООН в регионе для повышения собственной роли. Представляется правильным максимальное использование Россией своей «мягкой силы», при ориентации на среднесрочную и долгосрочную перспективу, а не на сиюминутные тактические цели. Лучшим способом воздействия на умы является информационное поле - области образования, религии, СМИ. В каждой из вышеописанных сфер России следует приступить к формированию своего лобби, взяв за пример неспешные, но активные и четкие шаги Турции и США на этом направлении: открывать школы и вузы, внедрять своих специалистов, формировать общественное мнение и управлять основными процессами за счет структурированной системы лоббизма.

Именно от сегодняшних шагов на Ближнем Востоке и в Северной Африке зависит международный статус России завтра.

ARAB UPHEAVAL AND THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS: RUSSIAN “WINDOW OF OPPORTUNITY”

The “Arab spring” has manifested structural transformation that the modern system of international relations is undergoing now. The Arab upheaval heralds a global trend towards their marginalization and the rise of social complexity against the backdrop of globalization, which became especially salient during the global crisis. The hierarchy of the global key actors is being reshaped. The developments in the Middle East may become a new stage of the Russian foreign policy. Russia’s international status in the future depends on the steps it is taking in the

region nowadays.

Vladimir Avatkov,
Lecturer, Department of Languages of Middle
East Countries, Department of Military Training;

Nadezhda Sokolova,
Research Fellow, Governance and Problem
Analysis Center

Ключевые слова:

арабская весна, мировой порядок,
международные отношения, Россия,
Ближний Восток, внешняя политика,
внешнеполитическая идеология

Keywords:

Arab spring, world order, international relations,
Russia, Middle East, foreign policy, foreign
policy ideology

Литература:

1. Богатуров А.Д., Фененко А.В. Посткризисные тренды в мировой политике // Свободная мысль. 2011. № 2 (1621). С. 119.
2. The Real Wealth of Nations: Pathway to Human Development // Human Development Report 2010. 20th Anniversary Edition / Ed. by J. Klugman. New York, 2010. P. 161-163.
3. The World Factbook // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.